

В. А. Зверев, К. Е. Зверева

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В СЕЛЕНИЯХ СИБИРИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (1861–1904 гг.)

Опубликовано: *Зверев, В. А., Зверева, К. Е.* Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861–1904 гг.) / В. А. Зверев, К. Е. Зверева // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.) : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Волкова. – Новосибирск : ГПНТБ СО АН СССР, 1991. – С. 118–139.

Одна из важных проблем отечественной истории второй половины XIX – начала XX в. – характер взаимосвязи трех процессов: утверждения и развития капитализма; перехода от традиционного к современному (рациональному) типу менталитета, культуры и образа жизни людей; распространения среди населения грамотности, печатных изданий и чтения.

Обострение интереса к теме «Народ – читатель в капиталистической России» происходит и в советской, и в зарубежной историографии. Так, американский исследователь Дж. Брукс впервые подверг анализу развитие массового сознания крестьянства и городских низов России сквозь призму народной лубочной литературы 1861–1917 гг.¹ Автор обоснованно, на наш взгляд, считает, что коммерческие печатные издания, имевшие массовый тираж, помогали утверждению в широких слоях населения буржуазных жизненных принципов, меняли отношение к таким ключевым проблемам народного сознания и поведения, как порядок и свобода, наука и суеверие, русская национальная идентификация, жизненный успех, социальная мобильность и т. д. Справедлив и тезис о наличии обратной связи: изменение ментальности людей отражалось в том круге литературы, которому они отдавали предпочтение, при условии свободы его выбора. Однако требуется ответить на вопрос о том, существовала ли такая свобода в социально-исторической обстановке конкретного региона, социальной группы, хронологического периода.

Очевидна актуальность изучения проблемы, в частности, на материалах крупного и своеобразного региона Сибири и столь многочисленной группы населения, какой являлось здесь русское крестьянство. Еще в литературе дооктябрьского периода высказывались самые различные мнения о распространенности и роли книги, чтения в меняющемся под воздействием капитализма быту сибиряков. Любопытно, что разные авторы делали иногда взаимоисключающие выводы, опираясь на одни и те же источники. Вот яркий пример. Н. М. Астырев и Л. С. Личков, занимая ответственные посты в администрации Иркутской губернии, были в 1886–1892 гг. руководителями и активными участниками массового обследования крестьянских хозяйств и деревенского быта Восточной Сибири, осуществляли

---

¹ *Brooks Jeffrey.* When Russia Learned to Read: Literacy and popular literature, 1861–1917. Princeton: University Press, 1986. XXII, 450 p. Рец.: Миронов Б. Н. // История СССР. 1989. № 2. С. 191–194.

разработку полученных сведений. На основе собранных материалов и собственных наблюдений этого периода Н. М. Астырев сделал такое однозначное и безапелляционное заявление: «... вообще можно сказать, что иркутская деревня не читает вовсе, отчасти не находя вкуса к чтению, отчасти не имея возможности добыть материал для чтения»². Л. С. Личков в то же время не только признал наличие в среде сибиряков «потребности (даваемой книгою) в духовной пище», но и счел возможным поставить в связи с этим многие вопросы конкретно-исследовательского плана³.

В советской историографии пока нет специальных исследований интересующей нас проблемы применительно к Сибири эпохи капитализма, работы же по смежной тематике и хронологии дают основания для полярных выводов. По данным Н. А. Миненко, уже в XVIII – первой половине XIX в. в относительно грамотных сибирских селениях жители имели «достаточно широкий» круг чтения, активно занимались созданием библиотек и перепиской книг, сами сочиняли «произведения как религиозного, так и светского содержания: краеведческие, публицистические, “лечебники” и пр.», а коллективные читки «стали в Сибири своеобразной деревенской традицией»⁴. Однако А. Л. Посадсков, изучая издание и распространение книг в Сибири кануна Октябрьской революции, пришел к выводу о том, что даже к 1917 г. в подавляющем большинстве случаев читательские потребности малых городов и деревень не были сформированы: «Отсутствие спроса на произведения печати – следствие массовой неграмотности – значительно сужало книжный рынок...»⁵. Необходимо углубленное конкретно-историческое изучение распространения и роли грамотности, чтения, рукописных и печатных изданий в культуре и быту населения Сибири эпохи капитализма, причем успешно разрабатываться эта тема может лишь в контексте общероссийской истории.

В настоящей статье авторы рассматривают следующие вопросы распространения печатных изданий в сельской русской крестьянской среде Сибири пореформенного периода 1861–1904 гг.: соотношение изданий различного типа (книг, журналов и газет, печатных картин) и характера (религиозных и светских); связь распространенности изданий со степенью социально-экономического и культурного развития местности, а также со

---

² *Астырев Н. М.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 53.

³ *Личков Л. С.* Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах // Изв. ВСОРГО. 1889. Т. 20. № 2. С. 43–53; *Он же.* Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 1. С. 33–46; № 2. С. 28–42.

⁴ *Миненко Н. А.* Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1989. С. 100–107.

⁵ *Посадсков А. Л.* Книга в Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции (1914 – октябрь 1917 г.) // Вопросы библиотечного дела, библиографии и истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1975. С. 201.

структурой ее населения; возможность свободного выбора круга чтения в зависимости от распространенности литературы.

В качестве конкретно-исторических источников для исследования использованы, прежде всего, данные массового обследования крестьянских хозяйств и сельского быта в Западной и Восточной Сибири второй половины 1880-х – середины 1890-х гг., проведенного Министерством земледелия и государственных имуществ; материалы полевых и анкетных обследований сети народного просвещения и распространенности печатных изданий в обширных местностях – Алтайском горном округе (1894 г.), Киренском округе Иркутской губернии (1894–1895 гг.), четырех остальных округах той же губернии (1900–1902 гг.); а также документы ряда административных учреждений, общественных организаций, занимавшихся просветительной деятельностью в сибирской деревне. Кроме массовых источников, допускающих количественную (математико-статистическую) обработку, рассматривались воспоминания сельчан, опубликованные в прессе очерки и корреспонденции наблюдателей.

С самого начала подчеркнем, что название книги Дж. Брукса «Когда Россия училась читать» может быть принято лишь как условное. Период после 1861 г. вовсе не был временем, когда только начиналось приобщение русского «простолюда» к грамотности и чтению. Эпоху утверждения, развития капитализма уместно было бы считать временем расширения распространенности печатных изданий, изменения их состава, повышения роли чтения в жизни трудящихся. Во второй половине XIX в. в результате целенаправленных обследований впервые появились статистические данные, позволяющие определить количественные параметры изучаемого явления в ряде местностей Сибири и экстраполировать их (с оговорками) на весь регион.

Прежде всего, выясняется, что масштабы распространения печатной продукции в сибирской деревне пореформенного периода были в абсолютном и относительном выражении невелики, но все же не давали оснований для категорического вывода о «полном отсутствии» материала для чтения. Можно определить соотношение основных типов печатных изданий, имевших хождение в селениях. Наименее распространенными в крестьянской среде были периодические издания – газеты и журналы. Так, в 1893 г. в сельской местности Киренского округа подписчики получали всего 142 экз. периодики около 40 наименований (без учета изданий официальных и специально предназначенных для школьных библиотек). При этом собственно крестьяне выписывали только 22 экз., или 15,5

%, а остальное приходилось на духовенство (39 экз.), чиновников и служащих волостных правлений (34), шло купцам и мещанам (44), ссыльным (3 экз.)⁶.

Даже к началу XX в. далеко не во всех селениях и очень немногие крестьяне выписывали газеты и журналы. Вот некоторые ответы за 1900–1902 гг. на анкету Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии из Верхоленинского уезда, освещающие положение в относительно «грамотных» селах: «Чтением газет занимается в свободное время человек десять» (с. Жигалово Тутурской волости, около 60 крестьянских дворов); «Получаемые в сельском управлении “Иркутские губернские ведомости”, “Сельский вестник” читают не более 4 человек; прилагаемые при “Сельском вестнике” книжки “Бог помочь” раздаются грамотным, но, видимо, никем не читаются, ибо разговоров о прочитанном не слышно” (с. Залог, 125 домохозяйств); “Выписывается 4 экз. “Восточного обозрения”, 1 – “Губернских ведомостей”, 1 – “Биржевых ведомостей”, 3 – “Нивы”, 1 – “Родины”, 1 – “Родной речи”, 1 – “Вокруг света”, 1 – “Нового мира”, 1 – “Русского богатства”. Кроме выписывающих, редко кто пользуется этими журналами» (торговое село Тутурское, 350 дворов)⁷.

Материалы по другим местностям Сибири имеют сходное содержание. Некоторые из них фиксируют всплеск спроса на газеты, увеличение их выписки в 1900 г., когда призванные из сибирских селений солдаты участвовали в военных действиях в Китае: «Китайские осложнения вызвали на это время потребность в чтении – несколько лиц пользовались газетами, но остановка военных действий повлекла и остановку чтения» (с. Шилкинское Иркутского уезда); «Потребность в газетах ощущалась только во время мобилизации» (Удинское сельское общество Балаганского уезда Иркутской губернии) и т. д.⁸ По сведениям почтово-телеграфных управлений, 1900 г., а затем особенно 1904–1905 и 1914–1917 гг. были временем невиданного роста выписываемых сибиряками газет, что объясняется интересом к военным и революционным событиям.

Более обширные, чем периодика, масштабы распространения имела в пореформенный период в сибирской деревне книжная продукция. На рубеже 80–90-х гг. XIX в. в северо-западной части Барабы на Спасском участке Каннского округа Томской губернии в обследованных 3546 крестьянских дворах оказалось 954 грамотных жителя, которые имели 1765 собственных книг, что составляло 50 томов на 100 домохозяйств, 10 – на 100 человек

---

⁶ Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ.: Памятная книжка. Иркутск, 1895. С. 65–66. Процент подсчитан нами.

⁷ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 17–26; д. 3, л. 1–10.

⁸ Там же, д. 2, л. 11–17; д. 19, л. 1–7.

населения, 185 – на 100 грамотных лиц⁹. В 1894–1895 гг. в Киренском округе Иркутской губернии в 25 обследованных селениях располагалось 1262 домохозяйства, из них книги тлелись в 378, или в 30 %, всего 1441 экз. Таким образом, на один населенный пункт в среднем приходилось здесь 58 книг, на 100 дворов вообще – 114, на 100 домохозяйств, располагавших книгами – 381 экз.¹⁰

Ситуация с кругом чтения в Киренском округе на основе приведенных цифр выглядит лучше, чем в Каинском, но следует учесть, что обследовавший северо-восток Иркутской губернии К. К. Кокоулин, проверив «всё наличное книжное богатство» в 80 селениях, избрал затем для статистического анализа только те из них, что располагались «в разных пунктах (специфических естественно-исторических зонах округа. – В. З., К. З.) и в сравнительно лучших условиях»¹¹, т. е. его выборка несколько приукрашивает действительное положение дел. С другой стороны, и на западе, и на востоке Сибири приведенные цифры характеризуют только книги и «толстые» журналы, находившиеся в собственности жителей, и не затрагивают фондов школьных и других общественных библиотек, а к ним тоже имели доступ крестьяне. В личных и религиозно-общинных библиотечках старообрядцев наверняка не были учтены старопечатные и рукописные богослужебные, вероучительные и полемические книги, составлявшие в общественном мнении «староверов» огромную ценность и обычно скрываемые от постороннего глаза.

Комплекс источников показывает, что с 1861 г. и, по крайней мере, до середины 1890-х гг. наиболее распространенным видом печатной продукции, имевшей хождение в сельской местности Сибири, были настенные лубочные картины. Вот как описывается интерьер типичной горницы в материалах обследования Тюменского округа Тобольской губернии: «Обстановка даже в домах среднего достатка весьма приличная. По стенам стоят стулья и лавки, шкафы и прочая мебель, которая содержится в большой чистоте; на стенах развешены разные лубочные картины и портреты Высочайших особ Императорского дома»¹².

Описания аналогичного характера, иногда более подробные, имеются по множеству других местностей¹³, так что зафиксированная здесь картина может считаться характерной для старожильческого населения всей Сибири. По мере заселения ее окраин на стенах домов новоселов, как выходцев из Европейской России, так и сибирских уроженцев, тоже

---

⁹ Подсчитано по источнику: *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири*. СПб., 1892. Вып. 17. С. 82–83. В подсчет не вошли книги из богатой библиотеки торгующего крестьянина Михаила Шипицына из с. Спасского.

¹⁰ Подсчитано по источнику: *Кокоулин К. К. Школы и грамотность...* С. 64–65.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² *Материалы для изучения...* 1889. Вып. 4. С. 159.

¹³ См.: Там же. 1888. Вып. 1. С. 53–54; 1889. Вып. 2. С. 19; *Обручев В. А. В старой Сибири*: Сб. ст., воспоминаний и писем, 1888–1955. Иркутск, 1958. С. 198; и др.

появлялись своеобразные «картинные галереи». Еще в 1861 г. известный этнограф С. В. Максимов отметил этот процесс, например, в бассейне Амура. Заселявшие его левобережье забайкальские казаки, переселенные сюда с Аргуни и Шилки, строя в новых станицах теплые дома, охотно покупали у проезжих купцов «картинные украшения московского дела»¹⁴. Лубочные картины, как правило, украшали и стены общественных зданий – волостных и сельских правлений, земских («въезжих») квартир для проезжающих чиновников.

Со временем наиболее грубые по качеству литографии, раскрашенные от руки, уступали место хромолитографиям и цветным типографским оттискам, в том числе извлеченным из иллюстрированных журналов; все чаще попадались картины с довольно высоким уровнем изображения, текста и печати. Исследователь Е. С. Филимонов утверждал, что в выборе лубочных картин «у сибиряка развито гораздо больше вкуса и понимания, чем у крестьянина Европейской России»¹⁵. Возможно, здесь сказывалась тенденция к идеализации быта сибиряков, проявлявшаяся у некоторых наблюдателей и в том, что они писали о наличии множества картин буквально в каждой избе. Наиболее внимательные же очевидцы настаивали на том, что только в достаточно зажиточных крестьянских домах «встречаются и литографии, и серебряные ложечки, и стенные часы, и прочие земные блага, от которых приходят в умиление господ проезжающие»¹⁶, на стенах же небогатых домов чаще «наклеены бумажные обложки с кирпичного чая», в подражание богатым¹⁷.

Подробнее всего характеризовал распространенность настенных картин, их сюжеты, качество изображения и текстов, место издания, соотношение между собой по всем этим признакам в селениях Иркутской губернии Н. М. Астырев. «Мне пришлось побывать в нескольких десятках изб в разных концах описываемого района; в редкой избе я не находил ни одной картины, в большинстве же изб их оказывалось от двух до пяти штук, а в иных я насчитывал по десяти-двадцати и более листов...», – писал он¹⁸. Но учтем все же, что будучи чиновником, автор наверняка во время своих разъездов останавливался в основном в зажиточных жилищах крестьян и на земских квартирах.

В конце изучаемого периода, благодаря опережающим темпам издания и распродажи книжной продукции, она во многих местностях Сибири стала успешно конкурировать с печатными картинами. Вот данные контент-анализа, которому мы подвергли анкеты Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии за 1900–1902 гг. Из 101 пункта с преимущественно русским населением

---

¹⁴ Максимов С. В. На Востоке: Поездка на Амур. СПб., 1864. С. 152.

¹⁵ Материалы для изучения... Вып. 17. С. 85.

¹⁶ Турбин С. И. Страна изгнания и Исчезнувшие люди: Сиб. очерки. СПб., 1872. С. 33.

¹⁷ Попов Т. Слобода Такмыцкая // Тобол. губ. ведомости. 1866. 26 февр.

¹⁸ Астырев Н. М. На таежных прогалинах... С. 54.

Балаганского, Верхоленского, Иркутского и Нижнеудинского уездов были получены ответы о наличии в селении тех или иных печатных изданий. Респонденты из числа местных жителей зафиксировали газеты и журналы в 56 селениях, картины – в 62, а книги – в 79¹⁹. Статистика эта, как и данные К. К. Кокоулина, Л. С. Личкова, характеризует положение в отнюдь не самых отсталых населенных пунктах, поскольку в них нашлись лица, давшие иногда весьма обстоятельные письменные ответы на анкету, состоящую из 19 вопросов.

Перейдем к анализу основных факторов, определявших распространенность печатных изданий в сельской местности. Для этого снова воспользуемся материалами по северо-западной Барабе (Спасскому участку Каинского округа Томской губернии) рубежа 80–90-х гг., которые дифференцируют массив обследованных крестьянских домохозяйств по различным естественно-историческим зонам (табл. 1).

Таблица 1

Распространенность печатных изданий в сельской местности*

Естественно-историческая зона	Доля грамотных в населении, %	Количество циркулирующих книг					
		религиозных		светских		всего	
		абс.	%	абс.	%	абс.	на 100 грамотных
Степь	5,3	902	60,1	600	39,9	1502	204
в т. ч.							
южная	4,5	264	52,9	235	47,1	499	260
средняя	6,2	392	60,2	259	39,8	651	210
северная	5,2	246	69,9	106	30,1	352	151
Полесье	5,2	197	74,9	66	25,1	263	120
Итого:	5,3	1099	62,3	666	37,7	1765	185

* Подсчитано по источнику: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 17. С. 81–83.

Прежде всего, обращают на себя внимание очень малые абсолютные и относительные показатели обеспеченности населения книгами во всех выделенных источником местностях Каннского округа. Примечательно в то же время, что количество циркулировавших книг увеличивалось здесь с севера на юг, и этот факт требует своего объяснения. Наибольшее число изданий, приходящееся на 100 грамотных, было зафиксировано в южной части степной зоны, т. е. в тех районах Барабы, которые ближе остальных прилегали к Омску – крупнейшему административному, транспортному, торгово-промышленному и культурному центру этой местности, и по которым вскоре должна была пройти железная дорога. На втором месте по распространенности книг стояла средняя полоса степного пространства.

¹⁹ Подсчитано по источнику: ГАИО, ф. 197, оп. 1, л. 2–26; д. 3, л. 1–15; д. 19, л. 1–7.

Она лежала по обе стороны Московско-Сибирского тракта, связывавшего на данном участке города Омск и Тару с уездным городом Каинском. По линии тракта располагалось несколько крупных торговых селений: Вознесенское, Камышево, Спасское и др. Городские лавочки, базары и ярмарки трактовых селений, развитая здесь развозная торговля были главными поставщиками печатной продукции местному населению. Напротив, слабая распространенность книг в северной области степной полосы и особенно в полесье (урмане) обуславливалась главным образом удаленностью этих двух районов от городов и трактов.

Обследования других местностей Сибири также показали сильную зависимость распространенности печатных изданий (не только книг) от положения местности относительно крупных центров и транспортных магистралей – речных путей, экономических и почтовых трактов, железной дороги. Так, Н. М. Астырев отмечал в конце 1880-х гг.: «Мода украшать стены изб картинами привилась уже издавна, особенно в торговых селах, лежащих близ трактов; разносчики товаров имеют при себе всегда богатый выбор картин на всякие вкусы и цены, от 3 коп. до 12–15 коп. за экземпляр»²⁰. К. К. Кокоулин констатировал, что наибольшее количество книг, особенно вероучительных и богослужебных, духовно-нравственного содержания, учебных, а также «толстых» журналов и литературно-художественных приложений к периодическим изданиям в Киренском округе приходилось на пригородные села, затем на селения по реке Лене (она была в здешних местах главной транспортной артерией), а наименьшее – на удаленные («забошные») деревни по Ангаре и Илимю. Малой доступностью печатных изданий объяснялось то, что «сбережение книг присуще более отдаленным и глухим деревням, чем бойким и пригородным»²¹.

По остальным округам Иркутской губернии на материале 36 трактовых и 25 «забошных» селений Л. С. Личков выявил следующую статистическую зависимость. Среди притрактовых было наименьшее число населенных пунктов, в которых взрослые не брали книги в школьных библиотеках (27 %), где была «совсем не развита охота и чтению» (16 %), но в то же время насчитывалось наибольшее количество селений, жители которых покупали книги – 73 %. В удаленных от трактов деревнях было гораздо менее благоприятное положение, и соответствующие показатели равнялись 80, 31 и 25 %²². Указанная зависимость сохранялась до конца изучаемого периода и нашла яркое отражение в материалах 1900–1902 гг. Например, сельский писарь В. В. Серебров писал о Мятлевском и Карымском сельских обществах Коноваловской волости Балаганского уезда Иркутской губернии: «Во всех пяти селениях нет лиц, имеющих запасы книг и газет, ибо селения бедные и лежат в стороне от

---

²⁰ Астырев Н. М. На таежных прогалинах. С. 54.

²¹ Кокоулин К. К. Школы и грамотность... С. 65.

²² Личков Л. С. Как и что читает народ... № 2. С. 33.

тракта. Чтением газет и книг жители не занимаются – нет материала для чтения и нет привычки»²³.

Привлеченные нами источники показывают: сильной была зависимость распространенности печатных изданий и от состава населения конкретной местности. Разумеется, книги, журналы и газеты интенсивнее всего циркулировали в среде чиновничества и сельской интеллигенции – учителей, священников, врачей и фельдшеров, агрономов. Один из жителей Верхоленского округа, вообще невысоко оценивавший читательские потребности сельчан, иронически писал в 1888 г. в газету «Восточное обозрение»: «"Пиджаковый мир" читает также очень мало, но у него имеется особая гордость показать себя "ученым" перед могущим случиться начальством, поэтому здесь и выписывается, кроме местной газеты, стоящей на первом месте, "Луч", "Неделя", "Будильник" и "Шут", а из журналов – "Новь", "Нива", выписываемые более ради премии, и "Русская мысль"»²⁴. Если принять во внимание лишь собственно крестьянское население, то наибольшее распространение печатные издания, особенно газеты, получили в его верхнем социальном слое, преимущественно в «торговом классе», как вследствие зажиточности последнего (легче было выделить средства на культурные нужды), причастности к книготорговле, так и благодаря относительно высокому образовательному уровню.

Обобщая имевшиеся в его распоряжении материалы о газетах 60-80-х гг. XIX в., Л. С. Личков писал: «Нечего и говорить, что простой серый мужик газеты не выписывает; она выписывается крестьянами более зажиточными, преимущественно "торгующими", выписывается богатыми инородцами, посторонними деревне людьми, проживающими в ней ради торговли, ради службы на винокурных и железоделательных заводах ... сельскими и волостными правлениями и некоторыми должностными лицами сих последних»²⁵. В середине 90-х гг. о том же писал К. К. Кокоулин: «В редких случаях, больше как комфорт выдающихся из обыкновенного уровня богатых крестьян, выписываются периодические издания»²⁶.

К началу XX в. положение изменилось к лучшему, но ненамного. В анкетах 1900–1902 гг. находим такие сведения по Верхоленскому уезду: «Выписывают газеты и журналы лишь лица торгового класса для себя; желающих читать много, но не имеют возможности приобрести книги» (с. Знаменское Илгинской волости, 209 дворов); «Очень немногие читают книги, берут их из школьной библиотеки. Газеты выписывать не считается полезным,

---

²³ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 11–17.

²⁴ *Р-ва*. Что читает верхоленский крестьянин, как относится к литературе, его песни и пр. // Сиб. сборник. Иркутск, 1888. Вып. 3. С. 39–40.

²⁵ *Личков Л. С.* Как и что читает народ... № 1. С. 44–45.

²⁶ *Кокоулин К. К.* Школы и грамотность... С. 64.

преимущественно по недостатку средств» (с. Тимошино с прилегающими деревнями, 197 домохозяйств, 8 % грамотных в населении)²⁷.

Сословное, конфессиональное положение, хозяйственные занятия, особенности жизненного опыта домохозяев и их «домашних» тоже сказывались на составе печатных изданий, распространенных в той или иной местности. В литературе отмечалось, что участие крестьян в неземледельческих промыслах, особенно извозе, способствует развитию грамотности и чтения; торгующие люди имели свои читательские предпочтения, земледельцы – несколько иные, и т. д.²⁸ Специфическим бывал подбор печатных картин. Так, в домах отставных солдат на почетном месте чаще обычного можно было увидеть изображения императора России и членов царствующей фамилии, правителей других стран, батальные сцены. Схожие сюжеты доминировали также в украшениях «въезжих» квартир, содержавшихся зачастую сельскими старостами или писарями²⁹. Бытование среди крестьян-сибиряков религиозных картин с римско-католической спецификой, напечатанных в издательствах Польши, было, по нашему мнению, следствием не только «большого изящества рисунка и лучшего их исполнения, по сравнению с русскими рисунками лубочного рынка»³⁰, но и наличия в Сибири после 1864 г. большого количества польских ссыльных, их культурного влияния на старожилов.

Вообще религиозные убеждения оказывали большое влияние на распространенность печатных изданий. Наиболее ортодоксальные старообрядцы, скажем, не признавали гражданской грамоты, большинства новопечатных книг, вовсе не выписывали и не читали периодики. Примечателен следующий факт. Когда в 1885 г. С. Л. Чудновский, собирая статистико-экономические сведения о жителях Алтая, объезжал селения старообрядцев и единоверцев, он обескуражено констатировал: «Книг или рукописей здесь никаких не нашел...»; «Никаких книг или рукописей, кроме Псалтыри, у них (местных беспоповцев. – В. З., К. З.) нет». Наконец, в беседах с «умственными людьми» из среды начетчиков и уставщиков автор уяснил, что здешние жители не признают книг, опубликованных «после пяти патриархов», т. е. после церковной реформы второй половины XVII в.³¹ В то же время среди явных и тайных старообрядцев обращалось большое количество апокрифической, житийной, полемической, вероучительной и прочей литературы, в том числе и

---

²⁷ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 11–26; д. 3, л. 8–10.

²⁸ См.: Личков Л. С. Как и что читает народ... № 1. С. 37; № 2. С. 39.

²⁹ См.: Астырев Н. М. На таежных прогалинах. С. 57–58; Семенов-Тянь-Шанский В. П. Несентиментальное путешествие // Вокруг света. 1990. № 10. С. 40; и др.

³⁰ Материалы для изучения... Вып. 17. С. 84–85.

³¹ Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае: (Выдержки из дневника) // Сев. вестник. 1890. № 9. С. 41–44, 60–61.

оригинальной, созданной в XVIII–XIX вв. самими крестьянами-сибиряками³². Эту литературу укрывали от посторонних, особенно чиновников, как из религиозных соображений, так и во избежание изъятия ее полицейскими властями.

Сословные и субсословные различия внутри сельского населения также сказывались на распространенности печатных изданий. Покажем это на примере населения Спасского участка Каннского округа (табл. 2). На рубеже 80–90-х гг. XIX в. самое большое количество книг в пересчете на 100 грамотных было распространено здесь среди ссыльных поляков – наиболее грамотной и сравнительное интеллигентной части жителей, составляющей 3,3 %. Старожилы являлись самой многочисленной и зажиточной категорией сельского населения, и абсолютное большинство книг циркулировало в их среде. Они стояли на втором месте после польских ссыльных по количеству книг на 100 грамотных.

Таблица 2

**Распространенность печатных изданий среди населения Спасского участка
Каннского окр.***

Категория населения	Доля грамотных в населении	Количество собственных книг					
		религиозных		светских		всего	
		абс.	%	абс.	%	абс.	на 100 грамотных
Старожилы	4,5	747	60,1	495	39,9	1242	205
Переселенцы-староселы	5,9	62	65,2	33	34,8	95	120
Переселенцы-новоселы	6,9	47	69,1	21	30,9	68	76
Польские ссыльные	17,1	193	66,7	96	33,3	289	286
Остальные ссыльные	5,6	12	92,3	1	7,7	13	32
Дети ссыльных	5,8	38	65,5	20	34,5	58	45
Итого:	5,3	1099	62,3	666	37,7	1765	185

* Подсчитано по источнику: Материалы для изучения... Вып. 17. С. 81–83.

У недавних переселенцев, несмотря на их более высокую грамотность по сравнению со старожилами, количество книг было небольшим. «Очевидно, переселенцы-новоселы, оставляя место своего прежнего жительства, не берут с собою книг и только потом, прибыв на новое место, постепенно обзаводятся последними. Так как книги для них менее нужны, чем хозяйственные предметы первой необходимости, то они медленно, не спеша обзаводятся ими», – анализировал ситуацию руководивший обследованием Е. С. Филимонов³³. В результате приобретения печатных изданий в течение многих лет переселенцы-староселы

³² См. подробнее: *Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами. 2-е изд., доп. М., 1988.

³³ Материалы для изучения... Вып. 17. С. 83.

были обеспечены книгами значительно лучше, чем новоселы, хотя и гораздо хуже, чем сибиряки-старожилы. Основная масса ссыльных (кроме поляков) имела меньше всего книг – вследствие крайней бедности и хозяйственной неустроенности. Однако, укоренившись в Сибири, второе поколение ссыльных обладало лучшими возможностями для того, чтобы «завести книжку».

Следующим фактором, серьезно оказывавшимся на распространении печатных изданий, было наличие школ различного типа в том или ином селении, в ближайших населенных пунктах. Влияние просветительных учреждений осуществлялось по двум каналам: во-первых, за счет повышения уровня грамотности населения, следствием чего было увеличение спроса на печатную продукцию; во-вторых, в результате активного участия училищ, библиотек при них в приобщении детей к чтению и в последующем удовлетворении читательских потребностей.

Многочисленные источники фиксируют благоприятное влияние официальных школ на грамотность, читательские интересы и некоторые важные стороны образа жизни населения. Показательны в этой связи сведения, полученные на рубеже 80–90-х гг. XIX в. из с. Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии, где успешно работало созданное в 1879 г. при активном участии крестьян училище Министерства народного просвещения. Информант писал: «Наше село не так сильно суевериями и предрассудками, – окончившие курс в школе совсем оставляют суеверия и путем бесед и книг стараются даже указать родителям на их невежество и доказать им нелепость суеверий. Грамотного крестьянина, окончившего курс в школе, можно чуть не с первого взгляда отличить от неграмотного: во-первых, по частому посещению церкви и, во-вторых, по обращению с людьми...»³⁴.

Таблицы 1 и 2, помещенные в данной статье, показывают, что общая распространенность книг, а также доля среди них светских изданий в целом были пропорциональны уровню грамотности жителей различных естественно-исторических зон и разных категорий населения Барабы. Материалы по Иркутской губернии дифференцируют населенные пункты по уровню грамотности взрослых жителей. Их тех 45 селений, где грамотных было мало (до 30 %), 23 % приходилось на такие, где «совершенно не развита» была «охота к чтению», лишь 38 % – на те, где она была «заметно развита»; взрослые брали книги для чтения в школах в 56 % таких пунктов. Число грамотных взрослых превышало 30 % в 25 селениях, из них в 15 % «охота к чтению» была «совершенно не развита», в 60 % – «заметно развита», в 75 % взрослые пользовались литературой из школьных библиотек. Разумеется, уровни грамотности и интереса к чтению сильно зависели от времени и успешности функционирования школ. Выяснилось, что в 78 % тех селений, в которых официальные

---

³⁴ Личков Л. С. Как и что читает народ... № 1. С. 41.

училища были основаны до 1870 г., крестьяне покупали книги. Там же, где школы были основаны в 1870 г. и позже, соответствующий процент равнялся лишь 64. Лучше всего было поставлено учебное дело в училищах Министерства народного просвещения. Поэтому из 41 обследованного пункта, где имелись такие училища, в 49 % взрослые брали книги из школы, и лишь в 16 % не имели «охоты к чтению», в 27 % потребность в чтении заметно не увеличивалась. Менее благоприятным было положение в селениях с церковно-приходскими школами. Взрослые брали литературу из школьных библиотек в 40 % таких селений, не имели «охоты к чтению» в 29 %, потребность в чтении не развивалась в 43 % случаев³⁵.

Следует признать, что образование даже самых примитивных «домашних» школ и школ грамоты сопровождалось появлением в деревне хотя бы немногих учебных книг или заменяющих их печатных и рукописных текстов. Чаще всего это были азбуки (буквари), Часословы (Часовники), Псалтыри, Евангелия³⁶. В старообрядческих домашних школах обучение проводилось нередко по старопечатным книгам, творениям церковных писателей³⁷. В иных же случаях «хожалые» учителя приносили с собой в селение и использовали в учебных целях разрозненные номера журналов, иллюстрации и приложения к ним, а родители покупали «золотые азбуки», самоучители и просто случайные книги, служившие ученикам хрестоматиями к книгам для внеклассного чтения.

В начале изучаемого периода минимальным был набор книг и в официальных училищах. «В иной школе все дети учились читать по одной, каким-нибудь случаем попавшей в поселок, книге, например, по обрывку романа, а писать учились на песке», – отмечал войсковой статистик Ф. Н. Усов относительно станичных и поселковых казачьих школ 60–70-х гг. XIX в.³⁸ В последующий период запасы печатных изданий в школах пополнялись учебными пособиями, методической литературой для учителей, книгами для внеклассного чтения учащихся и для «народного» чтения. Примерно со второй половины 1880-х гг. в большинстве местностей Сибири крестьяне удовлетворяли свои читательские потребности в школьных библиотеках. Однако они имелись далеко не в каждом селении, их книжные фонды были скудными.

Покажем это на примере одного из регионов по материалам анкеты Алтайского подотдела ЗСОРГО. В 1894 г. в Алтайском горном округе из 114 начальных сельских училищ всех типов, о которых были получены сведения, 88, или 77,2 %, имели при себе библиотеку, доступную для окрестного населения. В этих библиотечках содержалось в

---

³⁵ Там же. № 1. С. 35; № 2. С. 33.

³⁶ См.: Материалы для изучения... Вып. 1. С. 322–324; *Чукмалдин Н. М.* Записки о моей жизни. М., 1902. С. 8–14; и др.

³⁷ См.: *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск с его округом // Тобол. губ. ведомости. 1864. 4 июля; *Церковные школы и раскольники* // Вост. обозрение. 1899. 14 янв.; и др.

³⁸ *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 144.

общей сложности 15 028 экз. книг (без учета учебников), что составляло 132 экз. на школу³⁹. Обобщавшая ответы респондентов Е. П. Рылова констатировала: «Вообще все библиотеки очень бедны ... если принять во внимание, что при учении необходимо пополнять знания чтением книг, а также давать книги окончившим и всем грамотным крестьянам, отношение которых к чтению в большинстве случаев очень благоприятное...»⁴⁰.

Относительно лучшее положение было в сельско-волостных школах: 97,4 % училищ имели библиотеку, в среднем на нее приходилось 262 книги. В нескольких училищах запасы книг насчитывали даже свыше 500 экз.: в Томском округе – в Гутовской (Кайлинская волость) и Кривошековской школе; в Барнаульском округе – в Анисимовской (Барнаульская волость), Тулинской (Бердская волость), Лянинской школах; в Кузнецком округе – в Сары-Чумышской школе Уксунайской волости. Библиотеки были во всех горнозаводских и казачьих училищах, но содержали они в первом случае в среднем по 144 книги, а во втором – лишь 40. Наихудшее положение наблюдалось в училищах духовного ведомства. Только в 65,8 % церковно-приходских и 5 % школ грамоты имелись библиотечки, причем в первом случае на одно «книгохранилище» приходилась в среднем 71 книга, во втором – 30. Почти вся литература была здесь религиозной. Кроме ученических и народных библиотек, некоторые начальные сельские училища располагали небольшим запасом книг для учителей⁴¹.

Следует подчеркнуть, что выделенные выше факторы распространенности печатных изданий (уровень урбанизации, степень развития транспортной, торговой, школьной сети, социальная структура населения) действовали не изолированно, а в комплексе друг с другом и рядом других факторов, будучи показателями развития капитализма вглубь и вширь. Взаимосвязь этих факторов видели уже некоторые исследователи XIX в. Например, Л. С. Личков отмечал в 1888 г.: «Училища устраиваются обычно в наиболее населенных деревенских центрах, весьма часто и наиболее промышленных и торговых и стоящих не в стороне и глуши, а по большей части на почтовых или имеющих торгово-промышленное значение трактах, по которым происходит более или менее сильное движение населения. Такого рода селения справедливо считаются наиболее цивилизованными. Большое умственное развитие в них не только от того, что проживают здесь постоянно пришлые люди, торговцы, ремесленники и т. д., но и в силу самого наличия школ, которые ... служат увеличению числа грамотных в селении»⁴². В процессе утверждения новых отношений

---

³⁹ Рылова Е. П. Начальная школа в Алтайском окр. в 1894 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1898. Т. 3. С. 66. Процент подсчитан нами.

⁴⁰ Там же. С. 67.

⁴¹ Там же. С. 45–48, 66–67.

⁴² Личков Л. С. Что читает народ... С. 49.

между людьми изменяются их индивидуальное, групповое и общественное сознание, культура и образ жизни. Инновации проявлялись, в частности, в распространении печатных изданий, развитии чтения, и в то же время сами дополнительно стимулировались распространением чтения, усвоением новой информации.

В значительной степени под давлением крестьянства и при заинтересованном участии многих его представителей в пореформенный период постепенно улучшались возможности приобщения сельского населения к печатному слову и изображению. Вот лишь один пример. Когда известный писатель и общественный деятель М. В. Загоскин перебрался в 1879 г. на постоянное жительство в с. Грановское (Грановщину) Уриковской волости в 25 верстах от Иркутска, он застал там в 126 домохозяйствах лишь 15 мало-мальски грамотных жителей, способных прочесть книгу, подписаться под общественным приговором и написать цифры. «Из книг, впрочем, нечитаемых, я нашел одну книгу Пролога, несколько святцев и разных старых календарей», – рассказывал писатель позже в мемуарах⁴³. В конце изучаемого периода (1902 г.), отвечая на вопросы Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, автор так описывал изменения, происшедшие в Грановщине за 20 с лишним лет. Грамотных в селе насчитывалось уже около 40, что было результатом деятельности «вольных» учителей из ссыльных, частной школы, открытой респондентом в 1881 г., и учрежденного в 1900 г. церковно-приходского училища. Для местных крестьян был открыт доступ к печатным изданиям обширной личной библиотеки Загоскина. «Книгами пользуются только тогда, когда учатся. Из окончивших учение только человек 5–6 продолжают брать книги на дом. Охотнее читают маленькие, до 12 лет, сказки; старшие читают Пушкина, Кольцова, Короленко и часть Толстого. Читают и пишут письма солдатам, братьям и знакомым. Являлись у некоторых попытки писать стихи (подражание Кольцову). Есть один из взрослых – корреспондент “Восточного обозрения”», – сдержанно констатировал М. В. Загоскин⁴⁴.

Одно из важнейших направлений пореформенной эволюции структуры печатных изданий, циркулировавших в сельской местности Сибири, фиксируют данные таблиц 1 и 2. Речь идет о более ускоренном распространении светской (гражданской) литературы по сравнению с религиозной, которое приводило к изменению соотношения двух этих крупнейших категорий печатных изданий.

На Спасском участке Каннского округа по мере продвижения с севера на юг, т. е. приближения к важным транспортным артериям, крупным городским центрам доля религиозных книг, имевшихся в собственности жителей, последовательно сокращалась, а

---

⁴³ Загоскин М. В. Десять лет в сибирской деревне // Сиб. сборник. СПб., 1890. Вып. 1. С. 19–20.

⁴⁴ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 19, л. 1–7.

удельный вес гражданской литературы увеличивался. Характерно, что рост доли светских книг сопровождался увеличением общего количества изданий. Участники обследования так объяснили этот факт: «Очевидно, что первым долгом грамотей приобретает религиозную книжку (молитвенник, Евангелие и т. п.) как предмет первой необходимости при удовлетворении своих духовных потребностей. Только тогда, когда куплена религиозная книжка, считается позволительным приобретать, притом спустя некоторое время, книжку “светскую”, “гражданскую”, которая представляется в этом отношении как роскошь, как “баловство”»⁴⁵.

Те же причины приводили к сокращению доли религиозных книг у крестьян по мере увеличения длительности их проживания в Сибири и роста благосостояния. У переселенцев-староселов удельный вес духовных изданий был меньше, чем у новоселов, а у крестьян-старожилов он был минимальным. Купив одну-две важнейшие религиозные книги, крестьяне затем приобретали в основном светскую литературу. Следует еще, правда, иметь в виду общеизвестный факт большей набожности переселенцев по сравнению с сибирскими старожилами. Громадное преобладание религиозных изданий в среде ссыльных являлось результатом крайне незначительного количества книг вообще у этой категории населения. Что касается довольно большого числа религиозной литературы у польских ссыльных, то это объясняется необходимостью для каждого католика иметь при себе богослужбную книгу на родном языке во время латинской мессы. В целом же преобладание книг духовного содержания в сибирской деревне, особенно в начале пореформенного периода, «становится вполне понятным, если принять во внимание, что грамотность в Сибири распространялась поначалу или лицами духовного звания, или же начетчиками-крестьянами, которые дело обучения вели по Псалтыри, святцам и иным церковным книгам»⁴⁶.

Несмотря на некоторые количественные и качественные позитивные сдвиги, в целом положение с распространенностью печатных изданий в пореформенной деревне Сибири следует признать неудовлетворительным. Большинство грамотных крестьян испытывало потребность в чтении, но неблагоприятные социально-экономические, политико-правовые и культурные условия жизни приводили к тому, что эти лица были «должны просвещаться украдкою», по выражению корреспондента газеты «Сибирь»⁴⁷, чаще всего не имели возможности сознательно формировать круг своего чтения. Выдающийся ученый, публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев с горечью писал о времени 1861 – начала 1880-х гг.: «На всем протяжении Сибири ... вплоть до Иркутска всего 2 книжных магазина или

---

⁴⁵ Материалы для изучения... Вып. 17. С. 83.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Причины сибирского застоя: (Письмо о Минусинском окр.) // Сибирь. 1886. 16 февр.

специальных продаж учебных пособий; книги в Сибирь завозятся случайно и продаются вместе с сапогами и дегтем; нечего и говорить о выборе книг»⁴⁸.

В последующее время источники свидетельствуют: «Большая часть училищ постоянно нуждается в книгах, учебных пособиях и письменных принадлежностях» (участники обследования крестьянского быта Тюменского округа Тобольской губернии, рубеж 80–90-х гг. XIX в.)⁴⁹; казакам «недостает полезных книг для чтения, приходится довольствоваться лубочными изданиями» (войсковой атаман Сибирского казачьего войска, 1893 г.)⁵⁰; «Книги имеются лишь в виде приложений к газетам, кто выписывает последние... В местных лавках много покупается календарей. Книгоноши не появляются. Если бы было у кого купить, книги, наверное, покупались бы» (крестьянин Тыптинского сельского общества Верхотурского уезда Ф. С. Евдокимов, 1900 г.)⁵¹; «... книг достать населению неоткуда, даже хотя бы купить на собственные средства, так как ни в уезде, ни в городе нет книжного склада или хотя бы порядочного частного книжного магазина» (податной инспектор Ачинского уезда Енисейской губернии Л. Г. Высоцкий, 1902 г.)⁵².

К началу XX в. читательские потребности большинства сибирских сельчан находились в стадии становления, а для некоторых групп населения – в стадии трансформации. Слабое развитие книготорговли и библиотечной сети, недостаток средств у крестьянства, пороки просветительской политики властей приводили к тому, что наиболее грамотные и развитые крестьяне-сибиряки испытывали большие неудобства от слабой распространенности печатных изданий. Распространенность книг и периодики в сибирской деревне явно отставала даже от тогдашнего сравнительно невысокого уровня развития капитализма на восточных окраинах России.

---

⁴⁸ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882. С. 394.

⁴⁹ Материалы для изучения... Вып. 4. С. 142.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 330, оп. 42, д. 1260, л. 150–151.

⁵¹ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 3, л. 8–10.

⁵² Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 54. С. 76.